

Роль творчества Ф. М. Достоевского в становлении концепции садомазохизма в неомарксистской философии Э. Фромма

Авторы продолжают серию публикаций, в которых Ф. М. Достоевский выступает как крупнейший предшественник франкфуртской школы неомарксизма. В данной работе рассматривается влияние творчества «русского Данте» на становление дихотомии садизм – мазохизм в социальной философии Э. Фромма. По мнению исследователей, русский писатель значительно раньше неотрейдиста раскрыл садомазохистский тип личности в большинстве своих произведений. Авторы подробно рассматривают теорию детерминирующего влияния социума на личность и его роль в формировании «внутреннего мира человека». В данном аспекте можно говорить о незначительных различиях между Ф. М. Достоевским и Э. Фроммом.

Ключевые слова: садизм; мазохизм; детерминирующее влияние общества; эксплуатация; капитализм; каннибализм; франкфуртская социологическая школа.

Роман Достоевского «Бесы» был крайне тенденциозен и имел ярко выраженную антисоциалистическую направленность. Критика «русским Данте» первооснов коммунизма дала возможность назвать его непримиримым и категоричным врагом данной политической идеологии. После смерти литератора появилось значительное количество исследований, в которых Достоевский был назван разоблачителем «бесовских тайн» «нечаевщины», «сталинизма», «маоизма» и т. д. Но проблема данной интерпретации творческого наследия литератора заключается в том, что он не жил в рамках «реального коммунизма» (А. Зиновьев), и, несмотря на свой великий пророческий дар, полное и детализированное воплощение концепта К. Маркса в России он предвидеть не мог.

В нашей статье мы попытаемся проанализировать творчество Достоевского с несколько необычной стороны – как одного из важнейших предшественников франкфуртской школы неомарксизма [6; 7; 8]. По нашему мнению, писатель оказал мощное влияние на формирование дихотомии садизм – мазохизм в рамках социальной философии Э. Фромма. Общеизвестно, что немецкий неотрейдист читал произведения Достоевского и достаточно высоко их оценивал. Наша гипотеза заключается в том, что чтение романов «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание», «Бесы», «Идиот» позволило Э. Фромму существенно расширить концептуальное ядро своей теории, осуществить диалектический переход от либидинозного генезиса вышеупомянутой дихотомии к ее социально-иерархической и экономической обусловленности. Впрочем, «фрейдистский» аспект садизма проявлен в произведениях Достоевского не менее рельефно, чем социальный.

Остановимся на анализе данной проблемы несколько подробнее. Значительно раньше З. Фрейда русский писатель предвосхитил в своем творчестве либидинозный аспект садистского поведения. По мнению австрийского психоаналитика, в любой вариации межличностных взаимоотношений, не связанных с интимной сферой человека, чрезвычайно ярко прослеживается психосексуальная первооснова личности: «Согласно этому взгляду, даже те садистские желания, которые

* **Алексей Владимирович Лесевицкий**, преподаватель кафедры общеобразовательных и гуманитарно-социальных дисциплин Пермского филиала Финансового университета (г. Пермь).

E-mail: Lesev100@mail.ru

** **Евгений Владиславович Ляхин**, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России (г. Пермь).

E-mail: Evgeny102@yandex.ru

внешне не связаны с сексуальностью, все равно имеют сексуальную мотивацию, только на бессознательном уровне» [9, с. 435]. Русский литератор крайне рельефно описал подобные «личностные акцентуации» как в своих романах, так и в публицистике. Например, в «Дневнике писателя» за 1873 год он рассматривает деятельность правовой системы государства в контексте справедливости вынесенных приговоров коллегией присяжных заседателей, сетуя на некоторую «мягкость» по отношению к преступившим закон личностям. Достоевский разбирает «резонансное дело» крестьянина Н. Я. Саяпина, который систематическими истязаниями довел свою жену до самоубийства. Обратим внимание на то, насколько образно литератор описывает садистскую экзекуцию несчастной женщины: «Видали ли вы, как мужик сечет жену? Я видал. Он начинает веревкой или ремнем. Мужичья жизнь лишена эстетических наслаждений – музыки, театров, журналов; естественно, надо чем-нибудь восполнить ее. Связав жену или забив ее ноги в отверстие половицы, наш мужичок начинал, должно быть, методически, хладнокровно, сонливо даже, мерными ударами, не слушая криков и молений, то есть именно слушая их, слушая с наслаждением, а то какое было бы удовольствие ему бить? Знаете, господа, люди рождаются в разной обстановке: неужели вы не поверите, что эта женщина в другой обстановке могла бы быть какой-нибудь Юлией или Беатриче из Шекспира, Гретхен из Фауста? Я ведь не говорю, что была, – и было бы это очень смешно утверждать, – но ведь могло быть в зародыше и у ней нечто очень благородное в душе, пожалуй, не хуже, чем и в благородном сословии: любящее, даже возвышенное сердце, характер, исполненный оригинальнейшей красоты. Уже одно то, что она столько медлила наложить на себя руки, показывает ее в таком тихом, кротком, терпеливом, любящем свете. И вот эту-то Беатриче или Гретхен секут, секут, как кошку! Удары сыплются всё чаще, резче, бесчисленнее; он начинает разгорячаться, входить во вкус. Вот уже он озверел совсем и сам с удовольствием это знает. Животные крики страдальцы хмелят его как вино: «Ноги твои буду мыть, воду эту пить», – кричит Беатриче нечеловеческим голосом, наконец затихает, перестает кричать и только дико как-то кряхтит, дыхание по минутно обрывается, а удары тут-то и чаще, тут-то и садче... Он вдруг бросает ремень, как ошалелый схватывает палку, сучок, что попало, ломает их с трех последних ужасных ударов на ее спине, – баста! Отходит, садится за стол, воздыхает и принимается за квас. Маленькая девочка, дочь их (была же и у них дочь!), на печке в углу дрожит, прячется: она слышала, как кричала мать. Он уходит. К рассвету мать очнется, встанет, охая и вскрикивая при каждом движении, идет доить корову, тащится за водой, на работу» [1, с. 21]. Как данное описание мог бы трактовать З. Фрейд? В рамках классического психоанализа садист своеобразным образом «сублимировал» свои интимные отношения с женой через этот акт деструктивно-маргинального надругательства над жертвой, которая не могла защищать себя. Получив морально-психологическое, а возможно, и завуалированное либидонозное удовлетворение от данной процедуры экзекуции, крестьянин Н. Я. Саяпин совершенно успокоился, стал флегматичным, затем «садится за стол, воздыхает и принимается за квас». Стоит отметить, что Достоевский в своем творчестве описал значительное количество женщин с садистским типом личностной акцентуации. По нашему мнению, наиболее импозантная представительница данной галереи персонажей – Н. Ф. Барашкова. Женщина неземной красоты, имеющая вследствие этого тотальную власть над мужчинами. Желание унижить и растоптать другого человека проявляется в этой представительнице прекрасного пола чрезвычайно рельефно. Она буквально упивается своей властью над Г. Иволгиным и купцом П. Рогожиным, повелевая ими, испытывает моральное удовлетворение от их унижений и страданий. С другой стороны, в Н. Ф. Барашковой очень четко просматриваются и мазохистские черты, когда она намеренно ставит себя в

ситуацию общественного порицания, с определенным нескрываемым удовольствием переживает личностный позор и унижение. Но, по нашему мнению, проблему садизма и мазохизма в творчестве Достоевского невозможно объяснить, исходя из рамок теории либидинозных инстинктов З. Фрейда, так как она имеет ярко проявившийся социологический компонент.

В рамках своей психологической теории Э. Фромм писал о социальной обусловленности наличия садистских качеств личности в капиталистическом обществе. Автор «Анатомии человеческой деструктивности» настаивает на том, что буржуазный социум продуцирует именно такого человека, ибо данная социальная система построена на подавлении и «экономическом использовании» основной части граждан государства со стороны политической и, прежде всего, экономической элиты. Эксплуатация человеком человека невозможна без обращения с другой личностью как с анонимно-безликим объектом, который интересен исключительно с позиции формирования прибыли в рамках финансово-экономических отношений. Жажда денег, власти и собственности – фундаментальная первооснова экзистенции личности в рамках мамонистического общества: «Самой ужасной из всех человеческих страстей я считаю стремление более сильного использовать другого человека как средство достижения своих эгоистических целей. Это не что иное, как утонченная форма каннибализма. В обществе периода неолита еще не существовало такой формы эксплуатации» [12, с. 383]. Разумеется, что «каннибал» не может не быть «метафизическим садистом» и не испытывать некоего удовольствия от страдания других. Э. Фромм задается вопросом: разве буржуа не испытывает наслаждения от очередного миллиона, заработанного на «высасывании жизненных соков» из представителя наемного труда? Разве власть над эксплуатируемыми не приносит блаженства, разве мамониста не занимает сама идея тотального господства над людьми и обстоятельствами?

Каким образом возможен «социальный каннибализм»? Э. Фромм раскрывает очень тонкие механизмы садистского поведения элиты в рамках капиталистического социума. Для того чтобы оправдать свое эксплуататорское поведение, мамонист низводит рабочего до представителя другого антропологического вида, «речеловечивает его». Эксплуатируемый объект может предстать в образе «генетического отребья», «пьяницы и забулдыги», «маргинала», «вечного неудачника», а посему с ним можно поступать, как заблагорассудится, изымая прибавочную стоимость в целях личного обогащения. В размышлениях неофрейдиста речь идет о своеобразном «расколоте социуме», в котором представители труда и капитала ненавидят друг друга: «Нет нужды объяснять, почему ненавидят эксплуатируемые. А правящее меньшинство ненавидит, во-первых, из страха: они боятся мести угнетенных. Но, кроме того, господствующее меньшинство просто вынуждено поддерживать в себе чувство ненависти к массам, чтобы заглушать в себе чувство вины и оправдать свое эксплуататорское поведение» [12, с. 382]. Стоит отметить, что подобное социальное отчуждение Достоевский осознал и подверг анализу значительно раньше, чем Э. Фромм. В молодости Достоевский был сторонником идей утопического социализма, ходил на так называемые «пятницы» М. В. Петрашевского. За хранение письма В. Г. Белинского – Н. В. Гоголю молодого литератора арестовали, подвергли суду и сослали в Сибирь. Именно в заключении писатель чрезвычайно глубоко осознал отчуждение от простого народа всего дворянского сословия, оно было обусловлено несхожестью образования, места в социальной иерархии государства, возможностью потребления материальных благ, наличием широких жизненных перспектив: «С каторжным народом я познакомился еще в Тобольске и здесь в Омске расположился прожить с ними четыре года. Этот народ грубый, раздраженный и озлобленный. Ненависть к дворянам превосходит у них все пределы, и поэтому нас, дворян, встретили они враждебно

и со злобною радостью о нашем горе. Они бы нас съели, если б им дали. <...> “Вы, дворяне, железные носы, нас заклевали. Прежде господином был, народ мучил, а теперь хуже последнего ваш брат стал” – вот тема, которая разыгрывалась 4 года. 150 врагов не могли устать в преследовании, это было им любо, развлечение, занятие» [3, с. 169–170]. Как видим из сопоставления данных цитат мыслителей, Э. Фромм в какой-то степени «скрыто цитирует» размышления русского писателя, который высказал их еще в XIX веке.

Унизить человека, растоптать его внутренний мир – это значит не признать его как уникальную личность, «расчеловечить», лишить тех качеств, которые характерны для людей. Это касается всех многообразных проявлений садизма, начиная от физического насилия и заканчивая психологическим подавлением человека. Как только возникает политическое, экономическое, социальное неравенство, появляется соблазн обидеть более слабого и беззащитного. Стоит заметить, что в данном контексте Достоевский оказал прямое влияние на концепт Э. Фромма. Например, Раскольников не ставит знака равенства между собой и другими, для акта насилия ему необходимо было «расчеловечить» свою жертву. Именно поэтому он называет Алену Ивановну «жалкой вошью», объектом, не достойным гуманного к себе отношения: «– Преступление? Какое преступление? – вскричал он вдруг, в каком-то внезапном бешенстве, – то, что я убил гадкую, зловредную вошь, старушонку процентщицу, никому не нужную, которую убить сорок грехов простят, и это-то преступление?» [5, с. 400]. В монографии «Анатомия человеческой деструктивности» эта художественная гипербола Достоевского нашла свое теоретическое объяснение. Расчеловечивающие садистские технологии используются тогда, когда есть необходимость в жесточайшем насилии над другими: «Каждый раз, когда другое человеческое существо перестает восприниматься как человек, может иметь место акт жестокости или деструктивности в любой форме. Вот простой пример. Если бы индустриец или буддист (искренне и глубоко верящий и чувствующий сопричастность ко всему живому) увидел, как обычный современный человек, не моргнув глазом, убивает муху, он мог бы оценить это поведение как акт настоящей бесчувственности и деструктивности. Но он был бы при этом неправ. Ибо люди чаще всего не считают муху чувствующим существом и потому воспринимают ее как противную “вещь”, помеху» [9, с. 191]. Нам представляется, что речь может идти о своеобразном «скрытом цитировании» русского писателя Э. Фроммом.

С другой стороны, проблема дихотомии садизм – мазохизм освещается неофрейдистом с некой априорной пессимистической предопределенностью. Пока в рамках миропроектного устройства господствует капитализм с его неустранимой «борьбой всех против всех», несправедливым распределением материальных благ, эксплуатацией человеком человека, садизм будет только усиливать свои многообразные проявления в рамках личности «homo-капиталистичесуса» (А. Зиновьев). Какова социальная система, таков сам индивид как слепок общественных отношений: «И потому, вероятно, садизм (за исключением особых случаев) может исчезнуть лишь тогда, когда будет утрачена возможность господства одного класса над другим, одной группы над другой, относящейся к расовому, религиозному или сексуальному меньшинству» [12, с. 461–462]. Стоит заметить, что если рассматривать творчество Достоевского объективно, то в вопросе о детерминирующем влиянии социума на формирование характера личности русский писатель высказывает противоположные концепту Э. Фромма идеи. По мнению «русского Данте», социальная система, безусловно, имеет мощнейшее воздействие на человека, но, с другой стороны, он волен сопротивляться ее детерминирующему влиянию, поэтому несет полную ответственность за то, каким он будет, как он формирует свой «жизненный проект» (Ж.-П. Сартр), ибо человек есть процесс перма-

нентного становления, диалектического развития и изменчивости, обусловленной противоречиями: «Делая человека ответственным, христианство тем самым признает и свободу его. Делая же человека зависящим от каждой ошибки в устройстве общественном, учение о среде доводит человека до совершенной безличности, до совершенного освобождения его от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства, какое только можно вообразить» [1, с. 16]. Русский писатель в своем творчестве показал целую галерею персонажей, сопротивляющихся детерминирующему влиянию общества. Например, князь Мышкин не совершил грехопадения конформизма, не стал «бесчувственным метафизическим садистом», как большинство персонажей романа «Идиот». В этом заключается его гуманизм и человеколюбие, нежелание использовать другого как безлико-анонимный объект, исходя из своих прагматических интересов. Но законы капиталистического хозяйства объективны, они не зависят от сознания личности: если человек благородно не желает подавлять других, то совершенно бесцеремонно будут унижать его самого. В буржуазном социуме, который блестяще описал Достоевский в своем романе «Идиот», князь-Христос испытал на себе всю многообразную палитру садистских унижений общества «безжалостных мизантропов»: язвительную иронию и насмешки, «почитание за сумасшедшего», предательство со стороны любимой женщины, использование в качестве «денежного мешка» (спонсора) и т. д.

Но князь не хочет уподобляться большинству персонажей романа, не хочет господствовать над другими, а потому в эпилоге терпит жесточайшее поражение, оканчивая свою экзистенцию в стенах сумасшедшего дома. Но если Мышкин сопротивляется детерминирующему влиянию общества как мазохист, направляя накопившуюся агрессию от многочисленных страданий внутрь себя (сумасшествие, «суицидальный синдром»), то существует иная модель противодействия социальному контролю. Общеизвестно, что Достоевский проявлял большой интерес к «преступному миру», данный факт был обусловлен двумя факторами – собственным опытом тюремного заключения и огромным интересом литератора к личностям деструктивно-разрушительного типа: маньякам, педофилам, социопатам, самоубийцам и т. д. В «Записках из Мертвого дома» Достоевский крайне рельефно описывает жестокого убийцу-садиста, стремящегося ощутить безграничную свободу, человека, презирающего общественную мораль. Смысл экзистенции Орлова можно выводить из проблематики антиномичности свободы, свобода есть главная сакральная ценность. В контексте сюжетной линии повести ее можно понимать двояко. Во-первых, Орлов абсолютно свободен в своем нравственном выборе между добром и злом. Его свобода хаотична, анархична и ограничена только свободой данного героя: ни божественные заповеди, ни императивистика юридического закона для него ничего не значат. Он сам творец своего жуткого, садистского «жизненного проекта» (Ж.-П. Сартр). Во-вторых, после попадания в острог за серию зверских убийств его главной мечтой было обретение свободы, он даже признался хроникеру повести, что при первом же удобном моменте попытается сбежать: «Выхожу остальное число ударов, и тотчас же отправят с партией в Нерчинск, а я-то с дороги бегу! Непременно бегу!» [2, с. 48].

Экзистенциальный смысл преступления Орлова проявлен в его садистских наклонностях. Психологически, любой палач считает себя существом высшего порядка по сравнению с его жертвой. Именно поэтому Э. Фромм настаивает на социальном, религиозном и экономическом равенстве людей как действенном средстве противодействия проявлениям агрессии и садизма. Очень часто (на уровне рефлексии) жертва даже не воспринимается как человек, а предстает в образе «вещи», с которой можно поступать как угодно. Нам представляется, что экзистенциальным мотивом выбора Орлова является власть, возможность повеле-

вать другой личностью, решать ее судьбу: «Сердцевину садизма, которая присуща всем его проявлениям, составляет страсть, или жажда власти, абсолютной или ограниченной власти над живым существом, будь то животное, ребенок, мужчина или женщина. Заставить кого-либо испытать боль или унижение, когда этот кто-то не имеет возможности защищаться, – это проявление абсолютного господства» [9, с. 448].

Бесспорно, эта социально-психологическая характеристика садизма, предложенная Э. Фроммом, может в полной мере быть использована для анализа психоделической физиогномики Орлова. Садистская власть всегда основана на подавлении и социально-психологическом неравенстве между людьми.

В социальном равенстве между индивидами господство предельно затруднено, ибо нет элитарной группы узурпаторов функции подавления. В психологическом смысле, чтобы иметь возможность повелевать судьбой другого человека, необходимо самовозвыситься над ним, признать другую личность существом низшего порядка (имуществом, вещью, объектом). Только после данной процедуры возможны незавуалированные проявления садизма. И эту важную психологическую особенность очень хорошо подметил Достоевский, данная феноменологическая специфика крайне рельефно проявлена в образе Орлова: «Между прочим, я поражен был его странным высокомерием. Он на все смотрел как-то до невероятности свысока» [2, с. 47]. Именно с этой позиции самовозвышения и самогероики возможны деструктивное проявление садизма, возможна дихотомия неравенства («палач – жертва», «верующий – атеист», «рабочий – капиталист» и т. д.).

Достоевский много раз в своем творчестве повторял мысль, что тяжесть наказания только ожесточает преступника, весьма схожие мысли высказал и Э. Фромм. Государство, карающее преступника, выступает в роли своеобразного «садиста-великана», наказывающего «садиста-лилипута», так как у личности практически нет возможности противостоять репрессивному аппарату государственной машины. По мнению неотрейдиста, общество, основанное на эксплуатации и подавлении нижестоящих классов, «конвейерно штампует» садистский тип личности. Униженная государством личность пытается унижить еще более беззащитного человека, эмануруя тем самым порочный круг диктата [10]. Необходимо изменение социума, которое будет способствовать смене типа личности. Достоевский всем своим творчеством призывал отказаться от ветхозаветной жестокости по отношению к преступникам. Нарушив нравственный закон, Орлов ощутил всю антигуманность государственной репрессивной машины, раздавливающую личность: «Через два дня после выписки из госпиталя он умер в том же госпитале, на прежней койке, не выдержав второй половины» [2, с. 153].

Стоит заметить, что в творчестве Достоевского крайне отчетливо прослеживается своеобразный культ мазохизма. Литератор весьма убедительно пропагандирует смирение, покорность и терпение. Чем более терпелив мазохист, принявший кару от своего мучителя, тем ближе он к идеалу высокодуховной личности. «В горе счастья ищи!» – напутствует Алешу старец Зосима. И Порфирий Петрович наставляет Раскольникова: «Страдание, Родион Романович, великая вещь; вы не смотрите на то, что я отолстел, нужды нет, зато знаю; не смейтесь над этим, в страдании есть идея» [5, с. 352]. Но, с другой стороны, мы должны понимать, что проповедь смирения потенциально заставляет любого садиста подавлять другую личность с еще большей безнаказанностью. Садист, издевающийся над другим садистом, рискует получить адекватный отпор; напротив, садист, унижающий мазохиста, ничем не рискует, они прекрасно «взаимодополняют» друг друга. Не является ли столь странная проповедь Достоевским смирения и покорности, мета-идеологическим элементом полной безнаказанности власти в XIX веке? Впрочем, это уже другая тема.

Финал уникального романа «Идиот» поднимает проблему мазохизма как важную и необходимую обратную сторону садизма. Невозможно представить вышеуказанные парные категории вне их диалектической взаимозависимости в совместном отрицании. По Э. Фромму, практически любая личность обладает и мазохистскими и садистскими чертами, в ней проявляются черты своеобразного «расколотого-Я» (Р. Лэнг) и этического дуализма: «Из-за тесной связи между садизмом и мазохизмом будет правильнее говорить о садомазохистском характере, хотя ясно, что у каждого конкретного лица преобладающим является либо один, либо другой аспект» [9, с. 454]. Поскольку автор бестселлера «Бегство от свободы» был знаком с большинством крупных романов Достоевского, особенно хорошо отзывался о произведении «Братья Карамазовы», мы можем считать Достоевского своеобразным соавтором концепции садомазохистского типа личности. Приведем пример. Подпольный человек на страницах своей исповеди признается, что получает психологическое удовольствие от процесса унижения собственной личности. Он латентно желает, чтобы его «морально растоптали», оскорбили, подвергли остракизму, в этом рельефно проявляется процесс мазохистского самоотрицания, латентного метафизического самоубийства: «Но именно вот в этом холодном, омерзительном полуотчаянии, полувере, в этом сознательном погребении самого себя заживо с горя, в подполье на сорок лет, в этой усиленно созданной и все-таки отчасти сомнительной безвыходности своего положения, во всем этом яде неудовлетворенных желаний, вошедших внутрь, во всей этой лихорадке колебаний, принятых навеки решений и через минуту опять наступающих раскаяний – и заключается сок того странного наслаждения, о котором я говорил» [4, с. 105]. Как мы видим из представленной выше цитаты, у «джентльмена с ретроградной физиономией» проявляется ярко выраженный мазохистский синдром, который столь натуралистично описывает Достоевский. Но, с другой стороны, страсть к унижению собственной личности в данном «расколоте характера» достаточно гармонично переплетается с не менее глубокой страстью к подавлению еще более незащищенных «униженных и оскорбленных», чем он. В данном аспекте можно утверждать, что примерно за 70 лет до работ Э. Фромма на страницах своих произведений Достоевский отразил концепт «садомазохистского характера». Напомним, что, получив наслаждение от изоощренных психологических унижений при встрече со своими «одноклассниками», «подпольный» человек испытал непреодолимое желание «растоптать» еще более несчастную личность, получить над ней неограниченную власть, ощутить чувство господства и возможность повелевать ее судьбой. Он самым аморальным образом обманул несчастную девушку: «Власти, власти мне надо было добиться, унижения, истерики твоей – вот чего надо было тогда! <...> Потому что я только на словах поиграть, в голове помечтать, а на деле мне надо, знаешь чего: чтоб вы провалились, вот чего!» [4, с. 173]. Искалеченный садистским социумом человек чаще всего калечит других, еще более беззащитных людей, порочная социальная система в массовом масштабе продуцирует садомазохистский тип личности. Безусловно, человек не может снять с себя ответственность за ежедневный экзистенциальный выбор между добром и злом. В этом смысле Достоевский прав, утверждая, что социум не может тотально господствовать над личностью, если она того не захочет. Но, с другой стороны, со времен Достоевского изменились механизмы формирования «сублимированного раба» (Г. Маркузе), среднестатистический «массовый человек» не может противопоставить что-либо суггестивному воздействию СМИ.

Казалось бы, в таких условиях господства инструментального разума битва за человека проиграна, общественные отношения в рамках капиталистического социума перманентно будут напоминать афоризм Ивана Карамазова о том, что «одна гадина должна съесть другую». Но великая сила реалистического романа Дос-

товского заключается в том, что он подверг уничтожающей критике идеи господства человека над человеком, социального разобщения, использования личности как средства финансового обогащения («ротшильдская идея»), идеи «крови по совести» и т. д. В этом заключается педагогическое значение его произведений, которые столь глубоко воздействовали на творческую деятельность одного из влиятельнейших представителей франкфуртской социологической школы.

Литература

1. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др. ; ИРЛИ. Т. 21: Дневник писателя, 1873 ; Статьи и заметки, 1873–1878 / тексты подгот. и примеч. сост. А. В. Архипова-Богданова и др. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. – 551 с.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др. ; ИРЛИ. Т. 4: Записки из мертвого дома / текст подгот. и примеч. сост. И. Д. Якубович и др. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. – 326 с.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др. ; ИРЛИ. Т. 28, кн. 1: Письма, 1832–1859 / текст подгот. и примеч. сост. И. Л. Битюгова и др. ; предисл. Г. М. Фридлендера. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. – 572 с.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др. ; ИРЛИ. Т. 5: Повести и рассказы. 1862–1866 ; Игрок : роман / текст подгот. и примеч. сост. Е. И. Кийко. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. – 407 с.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др. ; ИРЛИ. Т. 6: Преступление и наказание : роман : в 6 ч. с эпилогом / текст подгот. Л. Д. Опульская. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. – 423 с.
6. Кац И. И., Крюков А. В., Лесевицкий А. В. Достоевский как предшественник франкфуртской школы критической социологии // Наука сегодня: фундаментальные и прикладные исследования : материалы Международной научно-практической конференции : в 2 ч. – Вологда : Маркер, 2017. – С. 126–127.
7. Лесевицкий А. В., Ляхин Е. В. Бунт Ивана Карамазова как проявление «негативной диалектики» в компаративистском сопоставлении философии Г. Гегеля и Т. Адорно // Вестник Гуманитарного университета. – 2020. – № 2. – С. 129–136.
8. Лесевицкий А. В., Ляхин Е. В. Критика конформистского универсума в произведениях Ф. М. Достоевского и М. Хоркхаймера // Вестник Гуманитарного университета. – 2020. – № 1. – С. 116–122.
9. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М. : АСТ, 2019. – 736 с.
10. Фромм Э. Догмат о Христе. – М. : Олимп : АСТ-ЛТД, 1998. – 416 с.
11. Фромм Э. Душа человека. – М. : Республика, 1992. – 430 с.
12. Фромм Э. Психоанализ и этика. – М. : Республика, 1993. – 415 с.

Alexey Vladimirovich Lesevitsky,

Lecturer, Department of General, Human and Social Studies,
the Perm Branch of the Financial University (Perm)

Evgeny Vladislavovich Lyakhin,

Lecturer, Department of State and Legal Disciplines
of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Perm)

The Role of F. M. Dostoevsky's Artwork in the Formation of the Concept of Sado-Masochism in the Neo-Marxist Philosophy of E. Fromm

The authors continue a series of publications in which F. M. Dostoevsky appears to be the largest predecessor of the Frankfurt school of neo-Marxism. This paper examines the influence of the "Russian Dante" on the formation of the dichotomy "sadism-masochism" in the social philosophy of E. Fromm. According to researchers, the Russian writer revealed the sado-masochistic personality type in most of his works much earlier than the neo-Freudian did.

The authors consider in detail the theory of the determinative influence of society on the individual and its role in the formation of the "inner world of man". In this aspect, we can talk about minor discrepancies between F. M. Dostoevsky and E. Fromm.

Keywords: sadism; masochism; deterministic influence of society; exploitation; capitalism; cannibalism; Frankfurt school of sociology.